

Электоральная политика России в начале XXI века как управляемая легитимация власти

Рыбчак Павел Николаевич

Администрация Выборгского района Санкт-Петербурга
 Ведущий специалист отдела организационной работы и взаимодействия с органами местного самоуправления
 Аспирант Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 pavelrybchak@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье описан авторский взгляд на основные изменения электоральной политики в современной России, характеризуются особенности получивших развитие электоральных процессов. Отмечается, что на протяжении первых электоральных циклов выборы в России проходили с проявлениями реальной политической борьбы, конкуренции и, особенно на региональном уровне, имели достаточно непредсказуемый характер. Ситуация начала меняться после принятия в 2001 г. Федерального закона «О политических партиях», закрепившего и запустившего в действие огосударствление российской партийной системы. Дальнейшие процессы развития института выборов были связаны с усилением авторитарных тенденций в осуществлении выборного процесса, применением административного ресурса на всех этапах электорального механизма и подавлением оппозиционных настроений.

Результатом анализа происходящих процессов стала попытка автора зафиксировать важнейшие тренды электоральной политики государства, в результате которой сложилась новая система легитимации власти, имеющая целью обеспечение единства и стабильности общества в интересах правящей элиты. Такая устойчивость социума предусматривает его консолидацию вокруг государства в нынешней модели. Автором делается вывод о том, что электоральный процесс с течением времени становится все более управляемым, а объектом управления в итоге становится не только процедура выборов, но и сам предполагаемый результат избирательных процедур. Кроме того, приводится тезис о продолжающейся институционализации выборов в стране и поиске той модели электоральных нормативов, которые позволили бы максимально удовлетворять потребностям правящей политической элиты. В то же время электоральное поведение и сознание граждан оказывается в значительной мере подверженным изменениям под влиянием происходящих политических трансформаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

электоральная политика, электоральный авторитаризм, административный ресурс, легитимация, политический режим, электоральное сознание, электоральное поведение, стабильность общества

Rybchak P. N.

The Electoral Policy of Russia in the Early Twenty-First Century as a Managed Power Legitimacy

Rybchak Pavel Nikolaevich

Administration of Vyborgsky district of Saint-Petersburg
 Leading specialist of department of organizational work and interaction with local governments
 Graduate student of The North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 pavelrybchak@mail.ru

ABSTRACT

The article traces the main changes of electoral politics in modern Russia, describes the features developed electoral processes. It is noted that during the first electoral cycle elections in Russia took place the real manifestations of political struggle, competition, and, especially

at the regional level, had quite unpredictable in nature. The situation began to change after the adoption of the Federal law «On political parties» from 2001 which recognized the triggering effect to the Russian nationalization of the party system. Further processes of development of Institute of elections was associated with increasing authoritarian trends in the implementation of the electoral process, the use of administrative resources at all stages of the electoral mechanism and the suppression of opposition sentiment.

The result of the analysis of the processes was the author's attempt to capture the most important trends in the electoral politics of the state, which introduced a new system of legitimation of power, with the aim of ensuring the unity and stability of society in the interests of the ruling elite. Such resistance society provides for its consolidation around the state in its current model. The work concludes that the electoral process over time becomes more manageable, and the object eventually becomes not only the election procedure, but the intended result of election procedures.

In addition, the article presents the thesis of continuing the institutionalization of elections in the country and search for the model of electoral regulations that would best meet the needs of the ruling political elite. At the same time, electoral behavior and public opinion is largely susceptible to changes under the influence of ongoing political transformations.

KEYWORDS

Electoral politics, electoral authoritarianism, administrative resources, legitimacy, political regime, electoral consciousness, electoral behavior, the stability of society

За последние два десятилетия в России произошли существенные перемены во всех сферах жизнедеятельности общества. Значительная трансформация социально-экономических основ, появление и укрепление во власти ныне действующей политической элиты и размежевание общественного мнения повлекли за собой серьезные последствия различного характера. Эти и иные изменения стали отправной точкой для смены политических парадигм, которые оказали глубинное влияние на все сферы политической реальности, в том числе на субъективные настроения, политическое сознание россиян и объективные реальности функционирования института выборов.

Общим трендом изменений электоральной политики становится все большая управляемость электоральным процессом с целью обеспечения любой ценой стабильности и единства общества. Этот процесс не был одномоментным, первые электоральные циклы (1995–2003 гг.) характеризовались проявлениями политической борьбы, конкуренции и, особенно на региональном уровне, имели достаточно непредсказуемый характер. По замечанию О. В. Крыштановской [12, с. 3], выборность глав регионов приводила к дестабилизации политической системы, появлению опасности новой волны «парада суверенитетов», а в самом трагичном сценарии — распада России на отдельные «удельные княжества».

Выборность глав субъектов РФ существенно влияла на профиль власти: институт выборов не только привел в элиту новых людей, но и сделал глав регионов опасно независимыми от центральной власти. Рычаги управления регионами были неэффективными не только за счет самостоятельного избрания губернаторов избирателями в регионах, но также из-за противоречий в законодательстве и отсутствия единства во взаимоотношениях центра и отдельных субъектов.

«Вертикаль власти», начавшая свое существование еще с 2000-х годов, получила поддержку своего функционирования через принятие закона «О политических партиях» от 2001 г.¹, закрепившего и запустившего в действие систему «огосударствления российской партийной системы» [15, с. 25], которая стала обеспечивать широкие возможности для административного регулирования процессов де-

¹ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 23.05.2015) «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

тельности политических партий. В стране публичная власть стала играть роль «избирательной машины», которая получила возможность решать задачи действующей власти в избирательных кампаниях и получившая «боевое крещение» в ходе федеральных выборов 2003–2004 гг. Избранная в 2003 г. Государственная дума РФ перестала иметь характер института всенародного представительства и приобрела черты, свойственные законодательным органам в авторитарных политических системах с одной правящей партией» [15, с. 53].

В 2004–2011 гг. электоральная политика изменилась, она основывалась прежде всего на стремлении федеральной власти увеличить контроль над властными институтами, создавая возможность прихода к власти управляемым партиям или подконтрольным губернаторам, с целью укрепления политической стабильности правящей элиты, что стало признаком усиления подконтрольности и предсказуемости итогов выборов в российском политическом пространстве¹. Произошло институциональное снижение возможностей выбора у избирателя, что связано с внедрением механизмов последовательного уменьшения неопределенности результатов выборов. К таким механизмам можно отнести ликвидацию граф «против всех», снижение минимального порога явки для признания выборов действительными, ликвидацию прямых выборов глав регионов и т. д.

Ужесточение норм регистрации кандидатов дало возможность осуществлять еще более существенный отсев «ненужных» кандидатов. Увеличение требований к количеству членов партии и запрещение избирательных блоков вело к уменьшению конкуренции на выборах. Переход на пропорциональную систему выборов уменьшил варианты выбора у избирателей. Увеличение заградительного барьера еще сильнее снижало представительность главного законодательного органа страны и увеличивало противоречия между результатами выборов и волей граждан. Лишение общественных объединений права направлять наблюдателей приводило к снижению прозрачности института выборов [22, с. 85–86].

Уже с первых электоральных циклов активное развитие получило применение в избирательном процессе административного ресурса². По оценке исследователей, в России за последние десятилетия не было времени, когда ресурс административного характера не употреблялся бы вообще, и зарождение этой ситуации следует искать еще в советское время. До 1988 г. в СССР существовала однопартийная система, и выборы постоянно осуществлялись при сверхвысокой явке (99,98% избирателей). Победу на выборах одерживали представители «единого блока коммунистов и беспартийных», не имевшего каких-либо конкурентов в избирательном процессе.

Такая система гарантировала, что на выборах победит достойный с точки зрения власти кандидат. Выбор «нужных» людей осуществлялся не гражданами на избирательных участках, а во властных кабинетах. Имелись определенные планы-разнарядки для формирования органов власти. Например, «мандат на участке должен быть получен пожилым рабочим, ветераном Коммунистической партии (КПСС), а на другом участке — беспартийная женщина до 45 лет, имеющая двоих детей» [18, с. 176].

Утверждение о широком использовании административного ресурса можно отнести и к признаваемым в настоящее время образцовыми выборам народных депутатов РСФСР в 1990 г., и к выборам Президента РСФСР в 1991 г. В 1990 г.

¹ Также содержанием авторитарных тенденций можно считать создание федеральных округов, увеличение сроков полномочий президента и депутатов Государственной Думы РФ.

² Под административным ресурсом следует понимать возможность манипулировать электоратом и итогами выборов, применяя разнообразные виды зависимостей политических акторов и граждан от действующей власти. См.: [12, с. 7].

большая часть государства находилась под достаточно серьезным контролем органов КПСС, и на Съезд народных депутатов РСФСР из нее были делегированы «нужные» для власти кандидаты. На выборах Президента РСФСР в 1991 г. административный ресурс также активно применялся, но использовался он против Б.Н. Ельцина как фаворита выборов, и его победа уменьшила накал обсуждения нарушений в течение подготовки и проведения избирательной кампании. Активное применение административного ресурса происходило и в 1990-е годы на выборах разных уровней, но в это время применение административного ресурса имело децентрализованный характер: в различных регионах этот ресурс работал на различные партии и различных кандидатов.

В 2000-е годы использование административного ресурса на выборах стало централизованным. В начале этого периода администрациями использовалось широкое давление на избирателей при использовании СМИ, публикация «компромагов», разнообразные формы подкупа избирателей, давление на руководителей предприятий с целью обеспечения необходимого «количества и качества» голосов. В ряде случаев осуществлялся сговор политических акторов, правоохранительных органов и финансово-промышленных групп. При этом основными действующими лицами функционирования машины административного ресурса являлись главы регионов.

В российской практике в ряде случаев применение административного ресурса могло быть связано с нарушениями норм закона, но в большинстве случаев это манипулирование выражалось в ограничении конкуренции, давлении на электорат¹. Люди, имеющие власть, могли кроме своего личного голоса «принести» на избирательный участок еще голоса своих «подданных». Кроме того, на выборах осуществлялась мобилизация разнообразных ресурсов (медийных, финансовых, организационных и др.).

В целом технологии применения административного ресурса можно объединить в несколько типов. Во-первых, это юридические технологии (например, нарекания в отношении собранных подписей, ограничения во время регистрации кандидатов, обвинения в нарушении правил агитации и др.). Во-вторых, это технологии применения ресурсов средств массовой информации (агитация в пользу «нужных» кандидатов, публикация «казачных» рейтингов политических акторов, неравенство для кандидатов в предоставлении эфирного времени и т. д.). В-третьих, экономические технологии (например, раздача подарков «за правильное» голосование, шантаж руководителей предприятий экономическими санкциями с целью обеспечения необходимого результата на выборах и т. д.) [12, с. 7].

По оценке отдельных авторов [1, с. 67] в 2000-е годы в результате применения административного ресурса наблюдалось значительное искажение такого значимого показателя электорального процесса, как явки, при этом оно в течение 2000-х годов имело тенденцию к увеличению и достигло максимальных показателей на выборах Президента РФ в 2008 г. На выборах депутатов нижней палаты парламента наивысший уровень фальсификации явки был отмечен в 2007 г., а не в 2011 г., в то время как именно эти выборы вызвали к жизни протестное движение «за честные выборы». На выборах главы государства в 2012 г. уровень фальсификаций существенно снизился, хотя и не достиг уровня 1990-х годов. В целом в 2000-е годы выборы в России подвергались сильному административному давлению, а искажение показателей явки усиливалось от выборов к выборам, показав максимальные значения в 2008–2011 гг.

¹ Осмысление такой практики привело к появлению в научной среде термина «управляемый электорат» и появлению рейтингов регионов по степени электоральной управляемости. См.: [16, с. 22].

Положительными чертами усиления авторитарных тенденций в электоральном процессе для политической элиты России служили четкость, предсказуемость и быстрота политических процессов. Но в то же время они в период 2004–2011 гг. привели к росту в обществе неудовлетворенности из-за роста социальной несправедливости, наличия значительного числа граждан, которые не доверяли сформированным ими в процессе выборов органам власти, что стало служить основой для формирования так называемых «электоральных кластеров»¹.

За 1990–2000-е годы классическая легитимационная функция выборов перестала выполняться в полной мере, что было связано со снижением уровня электорального участия и разочарованием населения в институте выборов. Недостатки легитимности особенно важны в контексте того, что выборы играют двойственную роль в политическом процессе. С одной стороны, они выступают объектом легитимации, с другой стороны сам процесс легитимации осуществляется с помощью выборов, тогда они становятся каналами легитимации. Чтобы с помощью какого-либо института могла происходить легитимация, необходимо, чтобы сам канал был легитимирован в общественном сознании и только тогда этот канал будет иметь необходимый потенциал для регулирования отношений и решения проблем в обществе [21, с. 74].

По оценке Е.В. Реутова [21, с. 81] на негативную ситуацию в сфере легитимности выборов повлияли следующие факторы:

1. Выборы перестали играть роль селективного механизма, позволяющего выбирать представителей народа, способных управлять страной или регионом. По меткому замечанию И. Крастева, «выборы стали служить тому, чтобы представлять не народ, а власть перед народом»².
2. Неконкурентность и несправедливость выборов, когда избирательные кампании превратились в борьбу не между кандидатами, а в борьбу между субъектами «управляемой демократии».
3. Массовое применение «грязных» или «сомнительных» электоральных технологий, применение механизмов пропаганды.

Если с 2000 по 2011 г. происходило уменьшение числа политических партий, отстранение от выборов в нижнюю палату парламента депутатов, выбранных по одномандатным округам, формирование дополнительных преград при направлении представителей в верхнюю палату парламента и отказ от прямых выборов не только губернаторов, то с 2012 г. наблюдается обратная тенденция. Переломным моментом для смены «тренда» стали протестные события 2011–2012 гг. Для восстановления авторитета, который в некоторой степени пошатнулся во время протестных акций, власти стали нужны частичные уступки оппозиционным силам, а также увеличение компетентности управленческих кадров и привлечение к ответственности низовой бюрократии [7, с. 7].

С 2012 г. в стране стало наблюдаться некоторое «сжатие» авторитарных тенденций, связанное с отказом от назначения губернаторов и изменениями процедур на выборах в Государственную Думу РФ. В качестве инструментов дальнейших изменений политических процессов в стране, по оценкам исследователей [7, с. 8], возможны дальнейшие процессы либерализации партий, находящихся в оппозиции и реструктуризация правящей партии. Более серьезные изменения в политическом пространстве возможны под влиянием двух факторов: первого — критически не-

¹ Под электоральными кластерами понимаются группы избирателей, ориентированных на достижение в результате выборов, отличающихся от большей части населения целей. См. подробнее: [5, с. 149–147].

² Крастев И. Новая российская идеология [Электронный ресурс] // Иностраные средства массовой информации. Dziennik. 2006. 14 сентября. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/229923.html> (дата обращения: 8.12.2015).

адекватных действий бюрократии или второго — резкого изменения мировой хозяйственной конъюнктуры. В целом делается верный вывод о том, что в ближайшие годы в России не произойдут существенные перемены в политическом укладе, а протестная волна 2011–2012 гг. будет иметь тенденцию к спаду. В то же время в долговременной перспективе, по мере роста благосостояния граждан, будет расти их запрос на политические реформы и изменения неэффективных элементов политического механизма.

Достаточно быстрая смена «правил игры» института выборов, как видно из табл. 1, в течение четвертьвекового периода развития самостоятельной России, позволяет сделать вывод о продолжающейся институционализации выборов в стране и поиске той модели электоральных нормативов, которые позволили бы максимально удовлетворять потребностям политической элиты. Нормы в политическом пространстве менялись достаточно часто в зависимости от потребностей политических элит и необходимости применения эффектов тех или иных политических технологий, накладывая свой отпечаток на электоральное поведение.

Ситуация становления института выборов осложняется тем, что Россия как транзитивное общество несет в себе черты разных эпох и культур, при этом страна «отчаянно пытается познать себя и обрести свою идентичность, чтобы вырваться из многовековых социальных передраг» [14, с. 185]. В результате происходят изменения политического сознания, электорального поведения и, в конечном счете, доверия граждан к институтам власти и выборов, что обусловлено следующими факторами:

- изменениями правил формирования органов власти и процедур определения лиц, наделенных властными полномочиями, их частотой и целесообразностью в глазах избирателей;
- наличием конкурентности или контролируемости выборов;
- степенью применения административного ресурса на выборах во всех его проявлениях (медийном, организационном, финансовом и т. д.);
- восприятием выборов как честного и объективного института;
- реакцией власти на протесты и оппозиционные заявления и действия в отношении проводимых выборов.

В политологическом дискурсе возникло значительное разнообразие определений российской политики, которая является фундаментом для объяснения тенденций электоральной политики [19, с. 180]. В приведенных в табл. 1 концепциях современные российские политические и электоральные процессы трактуются по-разному, формируя основу для их оценки.

Приведенные в табл. 1 определения имеют под собой соответствующую документальную базу и создают некоторые сложности в осмыслении российского политического процесса и его целостности. Но все же, в любом из приведенных выше определений политического режима авторы стремятся объяснить причины и последствия перехода от подлинно демократических процедур к господству идеологии и практики авторитаризма в электоральной политике.

Таким образом, наиболее существенными трендами электоральной политики государства, в результате которой сложилась новая система легитимации власти, за последние годы стали:

1. Усиление государственного управления институтом выборов на всех уровнях — законодательном, административном, судебном.
2. Смещение целеполагания выборов в направлении «ничего не менять», то есть не обновление институтов власти, а их сохранение.
3. Работа действующей власти на опережение и предупреждение общественной активности, усиление контроля за гражданским обществом.
4. Формирование мнимоплюральной партийной системы, при которой абсолютное большинство партий не являются политическими субъектами. По сути дела это

**Характеристики российского политического режима,
сформировавшиеся в науке в 2006–2015 гг.**

Название режима	Автор	Характеристика
«Имитационная демократия»	Д. Фурман [26]	Граждане свергают недемократический режим и провозглашают демократию, но жить при демократии общество не может, и она достаточно быстро превращается в камуфлированный демократическими процедурами авторитаризм. Отличие России от иных имитационных демократий заключается в ее движении к европейским целям и направленности на создание развитого государства
«Электоральный авторитаризм»	Г. Голосов [4], В. Я. Гельман [3]	С помощью регулярных выборов и ограниченной конкуренции правящие элиты имеют возможность более эффективно контролировать работу государственного аппарата на всех уровнях управления и своих сограждан, в результате чего снижаются риски внезапного крушения режимов при наличии внутривластных конфликтов. Электоральные механизмы являются средством внутривластной и международной легитимации власти
«Государственно-бюрократический капитализм»	Ю. А. Красин [10]	Сращивание крупного капитала с государственной бюрократией при гегемонии последней. Основной формой организации капитала становятся государственные, частно-государственные и частные корпорации под эгидой государства. Такая организация обеспечивает власть и богатство государственной бюрократии и магнатам капитала
«Персоналистский режим»	М. А. Краснов [11]	Несбалансированное сосредоточение явных и скрытых полномочий в руках институциональности. При таком режиме искажен принцип разделения властей и невозможна реальная политическая конкуренция. Такой режим в России имеет причиной российские традиции и институциональные пороки организации власти, определенные Конституцией РФ
«Неоэтакратическое общество»	О. И. Шкартан, Г. А. Ястребов [27]	Авторитарно-бюрократическое общество, в котором отношения собственности имеют подчинение отношениям власти. Силовые структуры и бюрократия, объединившись через «вертикаль власти», являются акторами экономического и политического пространства и подчинили себе крупный бизнес

Название режима	Автор	Характеристика
«Неофеодальное государство»	В. Шляпентох [28]	В России происходит возрождение феодального управления. К признакам неофеодализма можно отнести слабость государства, значительный уровень коррупции и преступности, серьезную роль личных отношений и наличие частных служб безопасности
«Неосословное государство»	С. Кордонский [9]	Социальная история России представляет собой цикл, в рамках которого попеременно происходит смена доминирования сословной и классовой структуры. В обществе имеются титульные (существующие по закону) и нетитульные (обслуживающие) сословия, которые по-разному взаимодействуют с имеющейся классовой структурой
«Плебисцитарная демократия»	В. В. Федоров [17], Л. В. Поляков [19]	Россия представляет собой совокупность особенностей советского (архитипически имперского) строя и западной демократической системы. Такая демократия объединяет в себе следующие свойства, появившиеся в российских условиях: главным институтом политической системы выступает харизматичный лидер, вождь; имеется непосредственная и прямая связь вождя с народом; выборы превращаются в особую процедуру, когда они не выполняют функцию сравнения альтернатив, а сформированы как плебисцит, то есть ответ на вопрос: нравится или не нравится избирателям одно безальтернативное предложение; смена власти реализуется не на выборах, а на решениях лидера и узкого круга лиц, и только затем получает статус легитимности на выборах

административно-политические образования, представляющие не политические интересы общества или его части, а узкокорпоративные и псевдолидерские интересы.

5. Изменение политической коммуникации власти и общества не в сторону взаимодействия, а сторону служения интересам государства в его державном образе.
6. Смещение политической повестки дня в сторону ценностных размежеваний как на глобальном уровне, так и во внутригосударственном пространстве. Реальные социально-экономические проблемы развития страны рассматриваются в рамках политической модели «Крепость Россия», когда все подчинено идее противоборства с внешним глобальным врагом [8, с. 1031–1032].

В современной электоральной политике наблюдается превосходство главной идеи — обеспечения стабильности и единства общества любой ценой. И поскольку эта ста-

бильность предусматривает консолидацию общества вокруг государства в его нынешней модели, вся электоральная политика выстраивается по принципу все большей управляемости электоральным процессом, когда объектом управления становится не только процедура выборов, но и сам предполагаемый результат выборов.

Литература

1. Бузин А.Ю. Эволюция электоральных показателей российских выборов в 1996–2012 годах // Полис. 2014. № 6. С. 62–70.
2. Бызов Л.Г. Расцвет или тупик электоральной демократии? // Мониторинг общественного мнения. 2010. Июль-август. С. 282–288.
3. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4. С. 65–88.
4. Голосов Г. Демократия в России: инструкция по сборке. СПб., 2012.
5. Зырянов С.Г. Современные электоральные процессы: взаимосвязь поведенческого и институционального аспектов (политологический анализ): дис. на соиск. учен. степ. док-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
6. Зырянов С.Г. Институционализация демократических выборов в России: уроки первого единого дня голосования // Социум и власть. 2013. № 5. С. 33–42.
7. Иноземцев В.Л. Перспективы развития России в новом политическом цикле // Полис. 2012. № 3. С. 7–18.
8. Колесников В.Н. Модернизация форматов легитимации власти: герменевтика против научного анализа / Политическая наука перед вызовами современной политики // Мат-лы VII Всерос. конгресса политологов. Москва, 19–21 ноября 2015 г. М. : РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. С. 1031–1032.
9. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.
10. Красин Ю.А. Горячее лето 2014: «украинский кризис» сквозь призму политологической мысли // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всерос. науч. конф. (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. М. : РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 268–269.
11. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: Опыт институционального анализа. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2006.
12. Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11. С. 3–13.
13. Москвичи С. Век толп. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998.
14. Немировский В.Г. Травмированное общество и его фантомы // Полис. 2015. № 3. С. 185–189.
15. Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах. М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2014.
16. Орешкин Д.Б., Орешкина Д.Д. География электоральной культуры России // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 20–34.
17. От плебисцита — к выборам. Как и почему россияне голосовали на выборах 2011–2012 гг. / под ред. В. Федорова. М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.
18. Платонов В.М. Формирование механизма выборов. Как это было в Москве // Полис. 2015. № 5. С. 175–181.
19. Поляков Л.В. Закат плебисцитарной демократии? // Полис. 2014. № 2. С. 179–184.
20. Поляков Л.В. Электоральное поведение россиян // Полис. 2011. № 6. С. 175–180.
21. Реутов Е.В. Институт выборов в легитимации региональной власти // Научные ведомости БелГУ. 2007. № 2. С. 74–87.
22. Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов / под ред. А.С. Автономова. М. : 2005.
23. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015.
24. Федоров В.В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения. М. : Праксис, 2010.
25. Федоров В.В. Теоретические аспекты изучения электорального поведения россиян в период формирования современной российской государственности: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. М., 2009.

26. Фурман Д. И невозможное возможно. Почему Россия не Казахстан? // Независимая газета. 2007. 5 октября. С. 5.
27. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неэтакратическое общество и его стратификация. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.
28. Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру. М. : Столица-Принт, 2008.

References

1. Buzin A.Y. *The evolution of electoral indicators of the Russian elections in the 1996–2012* [Evolyutsiya elektoral'nykh pokazatelei rossiiskikh vyborov v 1996–2012 godakh] // Polis. 2014. № 6. P. 62–70. (rus)
2. Byzov L.G. *Flourishing or deadlock of electoral democracy?* [Rastsvet ili tupik elektoral'noi demokratii?] // Monitoring of public opinion [Monitoring obshchestvennogo mneniya]. 2010. July–August. P. 282–288. (rus)
3. Gelman V.J. *The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia* [Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii] // Watered. 2012. № 4. P. 65–88.
4. Voters G. *Democracy in Russia: Assembly instructions* [Demokratiya v Rossii: instruktsiya po sborke]. St. Petersburg, 2012. (rus)
5. Zyryanov S.G. *Modern electoral processes: the relationship between behavioral and institutional aspects (political analysis)* [Sovremennye elektoral'nye protsessy: vzaimosvyaz' povedencheskogo i institutsional'nogo aspektov (politologicheskii analiz)]. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of political Sciences. Rostov-on-don, 2008. (rus)
6. Zyryanov S.G. *The Institutionalization of democratic elections in Russia: lessons of the first uniform day of voting* [Institutsionalizatsiya demokraticeskikh vyborov v Rossii: uroki pervogo edinogo dnya golosovaniya] // Society and power [Sotsium i vlast']. 2013. N 5. P. 33–42. (rus)
7. Inozemtzev V.L. *Prospects of development of Russia in the new political cycle* [Perspektivy razvitiya Rossii v novom politicheskom tsikle] // Polis. 2012. № 3. P.7–18. (rus)
8. Kolesnikov V.N. *Modernization of formats legitimation of power: hermeneutics vs. scientific analysis* [Modernizatsiya formatov legitimatsii vlasti: germenevtika protiv nauchnogo analiza] / Political science before challenges of contemporary politics. Materials of VII all-Russian Congress of political scientists [Politicheskaya nauka pered vyzovami sovremennoi politiki. Materialy VII Vserossiiskogo kongressa politologov]. Moscow, November 19–21, 2015 — M. : Higher school of Economics publishing them. M.A. Sholokhov [RITs MGGU im. M.A. Sholokhova], 2015. P. 1031–1032. (rus)
9. Kordonsky S.G. *Social Class structure of post-Soviet Russia* [Soslovnaya struktura postsovet-skoi Rossii]. M. : Institute of Fund «Public opinion» [Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie»], 2008. (rus)
10. Krasin Y.A. *Hot summer 2014: «the Ukrainian crisis» through the prism of political thought* [Goryachee leto 2014: «ukrainskii krizis» skvoz' prizmu politologicheskoi mysli] // Russian political science: origins, traditions and perspectives. Materials of all-Russian scientific conference (with international fate-em) [Rossiiskaya politicheskaya nauka: istoki, traditsii i perspektivy. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchasti-em)]. Moscow, 21–22 November 2014, M. : Higher school of Economics publishing them. M.A. Sholokhov [RITs MGGU im. M.A. Sholokhova], 2014. P. 268–269. (rus)
11. Krasnov M.A. *Personalistic regime in Russia: the Experience of institutional analysis* [Personalistskii rezhim v Rossii: Opyt institutsional'nogo analiza]. M. : Foundation «Liberal mission» [Fond «Liberal'naya missiya»], 2006. (rus)
12. Kryshchanovskaya O.V. *The Formation of regional elites: principles and mechanisms* [Formirovanie regional'noi elity: printsipy i mekhanizmy] // Social Researches [Sotsis]. 2003. № 11. P. 3–13. (rus)
13. Muscovites S. *The Age of crowds* [Vek tolpa]. M. : Center of psychology and psychotherapy [Tsentr psikhologii i psikhoterapii], 1998. (rus)
14. Nemirovskiy V.G. *A Traumatized society and its phantoms* [Travmirovannoe obshchestvo i ego fantomy] // Polis. 2015. N 3. P. 185–189. (rus)
15. Nisnevich Y.A. *Electoral corruption in Russia: political and legal analysis Federal election campaigns in 2003–2012* [Elektoral'naya korruptsiya v Rossii: politiko-pravovoi analiz federal'nykh izbiratel'nykh kampanii v 2003–2012 godakh]. M. : Foundation «Liberal Mission» [Fond «Liberal'naya Missiya»], 2014. (rus)

16. Oreshkin D.B., Oreshkin D.D. *The Geography of electoral culture in Russia* [Geografiya elektoral'noi kul'tury Rossii] // Social Sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 2006. N 5. P. 20–34. (rus)
17. *From plebiscite to election. How and why Russians voted in elections 2011–2012* [Ot plebistita — k vyboram. Kak i pochemu rossiyane golosovali na vyborakh 2011–2012 gg.] / edited by Valery Fedorov. M. : Izd. and consulting group «Praxis» [Izd. i konsaltingovaya gruppa «Praksis»], 2013. (rus)
18. Platonov V.M. *Formation mechanism of elections. As it was in Moscow* [Formirovanie mekhanizma vyborov. Kak eto bylo v Moskve] // Polis. 2015. N 5. P. 175–181. (rus)
19. Polyakov L.V. *Sunset plebiscitary democracy?* [Zakat plebistsitarnoi demokratii?] // Polis. 2014. N 2. P. 179–184. (rus)
20. Polyakov L.V. *Electoral behavior of Russians* [Elektoral'noe povedenie rossiyan] // Polis. 2011. N 6. P. 175–180. (rus)
21. Reutov E.V. *Institute of elections in the legitimization of a regional government* [Institut vyborov v legitimatsii regional'noi vlasti] // Scientific statement BSU. 2007. N 2. P. 74–87. (rus)
22. *Russian elections in the context of international election standards* [Rossiiskie vybory v kontekste mezhdunarodnykh izbiratel'nykh standartov] / ed. by A. S. Avtonomov. M., 2005. (rus)
23. Toshchenko Zh.T. *The Phantoms of Russian society* [Fantomy rossiiskogo obshchestva]. M. : Center for social forecasting and marketing [Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga], 2015. (rus)
24. Fedorov V.V. *Russian choice. Introduction to the theory of electoral behavior* [Russkii vybor. Vvedenie v teoriyu elektoral'nogo povedeniya]. M. : Praxis, 2010. (rus)
25. Fedorov V.V. *Theoretical aspects of the study of electoral behavior of Russians in the period of formation of modern Russian statehood* [Teoreticheskie aspekty izucheniya elektoral'nogo povedeniya rossiyan v period formirovaniya sovremennoi rossiiskoi gosudarstvennosti]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of political Sciences. M., 2009. (rus)
26. Furman D. *And the impossible is possible. Why is Russia not Kazakhstan?* [I nevozmozhnoe vozmozhno. Pochemu Rossiya ne Kazakhstan?] // Independent newspaper [Nezavisimaya gazeta]. 2007. On 5 October. P. 5. (rus)
27. Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. *Russian neo etacratic society and its stratification* [Rossiiskoe neoetakraticeskoe obshchestvo i ego stratifikatsiya]. M. : Izd. the house of SU HSE [Izd. dom GU VShE], 2008. (rus)
28. Shlapentokh V. *Contemporary Russia as a feudal society. A new look at post-Soviet era* [Sovremennaya Rossiya kak feodal'noe obshchestvo. Novyi vzglyad na postsovetskuyu eru]. M. : Stolitsa-Print, 2008. (rus)